

Статья Э. С. Маркаряна является, на мой взгляд, ярким примером программного междисциплинарного исследования, которое изначально ориентировано на представителей различных, стыкующихся лишь на самых верхних уровнях областей знания. В этом ее достоинства (как и недостатки), и в этом известные трудности оценки ее с какой-либо одной конкретной, в данном случае этнографической точки зрения. В подобной ситуации мне представляется полностью объяснимой и правомочной позиция автора и предложенный им метод вычленения «некоторых инвариантных теоретических проблем культурной традиции, носящих фундаментальный характер» и их «абстрактно-теоретического рассмотрения». Уверен, что подобное рассмотрение исключительно полезно для развития современного категориального аппарата нашей науки, хотя в большинстве своем этнографы (и я в том числе) скорее принадлежат как раз к тем специалистам, которые, по словам автора, «относятся с определенной опаской к абстрактным рассуждениям».

Весьма эвристичным в позиции Э. С. Маркаряна мне представляется предложенное им определение культурной традиции как «выраженного в социально организованных стереотипах группового опыта», которое позволяет резко расширить содержание этого понятия, придав ему, однако, достаточно строгие рамки. Можно также лишь приветствовать предложенные автором перспективы классифицирования традиций по степени длительности, жесткости стереотипизации, специфике субъектов-носителей, формам аккумуляции и трансмиссии и т. п. Все это, несомненно, крайне перспективные сферы поиска как на этнически-индивидуальном, так и на сравнительном, в том числе стадийно-сравнительном материале.

Не может, естественно, вызвать возражений и тезис о неразрывности традиций и инноваций в рамках любой культуры, как и попытки проведения широких аналогий этих явлений с биологическими феноменами мутаций, генетических программ, естественного отбора и т. п. В подобной позиции, на мой взгляд, нет никакой «биологизации». Со своей стороны подчеркну, однако, что если мутационные процессы в живых организмах, возможно, и поддаются сколь-либо строгой и однозначной фиксации, то в этнографической (культурной) практике весьма часто приходится сталкиваться как раз с крайней трудностью расчленения «традиционных» и «инновационных» элементов культуры, которое чаще всего проводится субъективно-эмпирически как самими носителями (в зависимости от их возраста, статуса, образования и т. п.), так и исследователями-наблюдателями, в соответствии с их установками, профессиональным опытом или целью работы.

Конкретная специфика нашей деятельности предъявляет и свои требования к проблеме дифференциации культурных традиций. В этой связи разделение их на «общие» и «локальные» представляется весьма условным (что, кстати, и признается автором), поскольку оно определяется исключительно уровнем или точкой отсчета в процессе анализа. Двигаясь же вверх и вниз по ступеням такой таксономической иерархии, мы в итоге дойдем либо до «культурных универсалий», либо до специфических микровариантов. И те и другие — крайне заманчивые объекты изучения, но именно как самостоятельные феномены, а не в рамках «...достаточно гибкой и варьируемой в зависимости от ставящихся задач понятийной схемы, приложимой к любым познавательным ситуациям», каковой представляется автору его собственная типология.

Исключительно интересным и актуальным непосредственно для этнографических исследований мне кажется тезис Э. С. Маркаряна об

иллюзорности распространенных представлений о снижении роли культурных традиций в современную эпоху по сравнению с предшествующими этапами человеческой истории. Можно полностью согласиться с автором, что современные изменения темпов и форм трансмиссии элементов культуры, резкое увеличение и усложнение передаваемых типовых вариантов «...хотя и ставят совершенно новые проблемы перед человечеством», но не ведут к изменению самого принципа традиции как одной из главных «социально организованных моделей деятельности людей». И далее автор делает, казалось бы, логически безупречный вывод о необходимости усиления в новых условиях научно обоснованного управления социальными процессами, контролируемого воздействия на них на основе «научного поиска, совершенствуемого и корригируемого получения информации» и т. п.

Мне, однако, трудно разделить оптимизм автора по поводу возможности широкой замены традиционных форм этнокультурной преемственности и передачи информации какими-либо более рациональными сверхсовременными методами социального регулирования эпохи научно-технической революции. Известно, что между сбором адекватной и достоверной общественной информации и реальным, контролируемым на ее основе «регулированием социальных процессов» лежит большая дистанция, нарушение которой, как показывает опыт ряда стран, порой обходится весьма дорого. В связи с этим приводимый автором, казалось бы, перспективный пример использования для прогнозирования и управления развитием социальных процессов методики и опыта так называемого «глобального моделирования» выглядит, на мой взгляд, весьма поучительным. Именно этот опыт, ассоциируемый с деятельностью Римского клуба, именами Дж. Форрестера, Д. Медоуза, М. Месаровича, Э. Пестеля и др., как раз и продемонстрировал наглядно, что ни использование новых поколений электронно-вычислительных машин, ни расчет сверхсложных «Глобальных интегрированных моделей» (Global Integrated Models) не обеспечивают пока надежной базы даже для достоверного прогнозирования экономико-демографических процессов. Тем более трудно предполагать, что этот путь анализа на данном этапе приложим для крупномасштабной оценки социальных явлений и их сознательного регулирования. Не удивительно, что, столкнувшись с осязаемыми пределами такого «рационального» научного прогнозирования с математически-императивными постулатами и рекомендациями, зарубежные футурологи вынуждены были отчасти вернуться к более интуитивно-эмпирическим методам анализа, с неизбежной в таком случае условностью, «сослагательностью» всех построений, но и (на удивление!) более высокой подтверждаемостью сделанных предположений.

Поэтому я, к сожалению, не могу разделить пафос автора по поводу того, что новые стратегии подхода и анализа (в первую очередь сложное моделирование) способны поднять этнографию и культурологию «на новые рубежи... (которые) связаны прежде всего с переходом от установления локальных различий культур и их исторической обусловленности к вероятностному анализу их поведенческого значения и возможных последствий в разнообразных социально-практических ситуациях (курсив автора. — И. К.)». Мне лично ближе понимание этнографии именно как «сравнительной культурологии», с присущей ей скорее многозначностью и сослагательностью точек зрения, но зато требующей от исследователя подлинной сопричастности на всех этапах сбора, обработки и анализа информации. Подчеркну, однако, что подобная позиция не претендует ни на оригинальность, ни на особую эвристичность. И в этой связи проблемы, поднимаемые Э. С. Маркаряном, воистину выглядят той инновацией, которая, разрушая традицию, формирует движение науки.